

Поэтика Виктора Иваніва
в контексте орнаментальной прозы XX–XXI века *

И. С. Полторацкий

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН, НОВОСИБИРСК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация. Рассматриваются ключевые особенности поэтической прозы современного новосибирского писателя Виктора Иваніва (1977–2015). Развивая поэтику авангардной прозы 20–30-х годов прошлого века, Иванів создаёт актуальную модель авторефлексивного письма, стирая условную границу между художественным вымыслом и биографическим фактом. Одним из конструктивных принципов поэтики Иваніва является синкретичность – прозаические и поэтические тексты, связанные на разных уровнях цепочкой эквивалентных элементов, объединяются в целостное метажанровое образование, сформированное всем корпусом текстов автора. В произведениях различной жанровой направленности Иванів последовательно использует приёмы, характерные для орнаментальной прозы XX века: иконичность, парадигматизацию, нарративную редупликацию, сюжетное развёртывание семантических фигур. Схожие особенности художественного языка также наблюдаются в прозаических произведениях современных авторов: В. Богомякова, Д. Осокина, С. Снытко. Явление орнамен-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Полторацкий И. С. Поэтика Виктора Иваніва в контексте орнаментальной прозы XX–XXI века // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 329–338.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2017. № 1
© И. С. Полторацкий, 2017

тализма, рассматриваемое как следствие воздействия поэтических структур на эпический тип повествования, отражает существенные изменения, произошедшие в художественном мышлении XX – начала XXI века, связанные с мифологизацией языка и повседневного быта.

Ключевые слова: орнаментальная проза, Виктор Иванів, современная русская литература, авангард.

УДК 821.161.1 (русская литература)

Контактная информация: Полторацкий Иван Сергеевич, младший научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, ipoltora@gmail.com)

Виктор Иванів (1977–2015) – псевдоним новосибирского поэта и прозаика Виктора Иванова, лауреата «Международной отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка» (2003) и премии Андрея Белого (2012) (в номинации «Проза» за книги «Чумной покемарь» и «Дневник наблюдений»), исследователя русского авангарда (кандидатская диссертация «Философский концепт и иконический знак в поэтике русского авангарда»). При жизни Виктора Иванова были опубликованы четыре книги стихов: «Собутыльник сомнамбулы» (Новосибирск, 2000), «Стеклянный человек и зелёная пластинка» (Москва, 2006), «Группак и врач Зарин» (Москва, 2014), «Дом грузчика» (Москва, 2015) и пять книг прозы «Город Виноград» (Москва, 2003), «Восстание грёз» (Москва, 2009), «Дневник наблюдений» (Москва, 2011), «Чумной покемарь» (Нью-Йорк, 2012) и «Повесть о Полечке» (Москва, 2014). После смерти автора сохранился объёмный архив рукописей, часть из которых была опубликована в большой книге прозы «Конец Покемаря» (Москва, 2017), а также в сборнике художественных репортажей с дружеских футбольных матчей «Состоявшиеся игры, на которых я присутствовал» (Москва, 2017). Последняя поэтическая книга Виктора Иванова «Себастиан и в травме» также была опубликована в Москве в 2017 году.

Необходимость подробного перечисления опубликованных книг Виктора Иванова обусловлена тем, что конструктивным принципом его поэтики является синкретичность – прозаические и поэтические тексты, связанные на разных уровнях цепочкой эквивалентных элементов, объединяются в целостное метажанровое образование, сформированное всем корпусом текстов автора. Сознательно апеллируя к Хлебникову, Виктор Иванов пишет будетлянскую книгу собственной жизни, в которой не существует границы между биографическим и литературным фактом, реальность становится вымыслом, вымысел преобразуется в событие автобиографии. Обширная литературная критика, эссеистика и научное творчество Виктора Иванова также участвуют в формировании авторефлексивного метатекста. Так, к примеру, в эссе «Чистая книга: “Извещаю госпожу мою тень”».

О В. Хлебникове и Е. Гуро» Иванов пишет: «Если Дон-Кихот вынужден подтверждать свою литературную биографию, то Хлебников пишет свою книгу жизни, сотворяя подвиги в действительности. <...> Полная разомкнутость в быту и жизнь в воображении, открывающая кулисы внутреннего театра, театра для себя. <...> Все это заполняет книгу, жизнеописание Хлебникова, воображаемого короля времени»¹. Подобные «подвиги», по словам очевидцев, регулярно совершаемые самим Ивановым, впоследствии становятся сюжетной основой его прозаических произведений. В интервью, данному интернет-изданию «Частный Корреспондент» Виктор Иванов неоднократно говорит о первостепенном значении Хлебникова в его собственном житетворчестве: «Единственное, что, на мой взгляд, можно делать с Хлебниковым – это всякий раз заново оглядываться на мир, как будто он будет вечен. Из всех “законов”, открытых им, можно повторить лишь один – его страшную судьбу, только на собственной шкуре»². Следует отметить, что, по воспоминаниям Петра Митурича, Хлебников говорил незадолго до смерти: «Люди моей задачи часто умирают 37-ми лет; мне уже 37 лет» [Митурич, 1994]. Виктор Иванов трагически погиб в возрасте 37-ми лет.

Совпадение имен и деталей судьбы поэтов играло значительную роль для Иванова, но всё же основной своей задачей он считал воплощение в жизнь философских и эстетических принципов Хлебникова, изучению которых посвятил кандидатскую диссертацию. Многие положения, отмеченные в ней, служат ключом к пониманию мифопоэтики самого Иванова. Исследуя функционирование иконического знака в текстах В. Хлебникова, А. Введенского, А. Кручёных, В. Казакова, Л. Добычина, Я. Сатуновского и М. Соковнина, Виктор Иванов формулирует эстетические принципы современного поставангарда, воплощаемые им в собственном художественном творчестве: «Иконический знак затмевает собой событие, фальсифицирует историю, сводя ее к ряду образных картин, при этом часть причинно-следственных связей утрачивается. <...> Слова “забывают” о своем значении, создается афатическая пауза, в которой сияет иконический знак-образ» [Иванов, 2005]. Научную работу Иванов пишет языком, балансирующим на грани художественного: «Русский авангард стал верным зеркалом, новой оптикой, в которой скручены волоконца мысли, в котором предвидится новое “падение сов”, новое будущее, новое человечество» [Там же].

Из философских концептов Хлебникова Иванова в первую очередь интересуют концепции создания универсального языка и единого государства времени, вокруг осмысления и применения которых строится

¹ URL: <http://tramline.ru/2011/12/29/chistaya-kniga-izveshhayu-gospozhu-moyu-ten/> (дата обращения 20.09.2017).

² URL: http://www.chaskor.ru/article/viktor_ivaniv_edinstvennoe_spasenie_v_danoj_situatsii_-_prosnutsya_pod_viselitsej_36429 (дата обращения 20.09.2017).

сюжетика повестей и рассказов Иванова. Так, в автобиографической повести «Летовс-wake» есть эпизод, повествующий о возникновении идеи немедленной реализации всеобщего языка: «В свою очередь я поведал брату рассказ о том, что разрывало башку мою. Я пришёл к умозаключению, что следует открыть безусловный язык, в котором не будет фальши соссорова знака и всяческого промедления и заминки, и этот язык сделает сознание бытием. К этой “мысли” я пришёл в египетском музее, после того как Андрей сказал мне, что государство времени продолжает работать, в чём я усомнился» [Виктор Иванов, 2012, с. 206]. Законы времени, описанные Хлебниковым в «Досках Судьбы», Иванов превращает в дискретную логику построения сюжета, основанную на нелинейных пересечениях судеб героев, не начинающихся, не завершающихся, существующих якобы случайно в строгой системе математического уравнения, в котором, возможно, где-то допущена ошибка. К примеру, тетралогия Иванова «Володя Москвин» завершается (после проставленной даты написания) вставным эпизодом «Памятный календарик», в котором безо всяких очевидных связей представлены имена и даты персонажей судьбы книги, представляющих собой проекции реально существующих людей:

...Пабло родился в один день с Хвостом, 14 ноября.
 Коля и Лада родились в день смерти Маяковского – 14 апреля.
 Вова Влакх родился в день смерти Ильи, 9 августа.
 Каюга родился в день смерти Елены Шварц, 12 марта.
 Мой дядя родился в день смерти трех моих дедов, 6 января.
 Наташа родилась в день рождения Рембо, 20 октября, а Ольга –
 9 ноября в день рождения Велимира Хлебникова,
 но всё это, кроме последнего, в разные годы [Виктор Иванов, 2012,
 с. 229].

История жизни Виктора Иванова, отраженная в корпусе его текстов, в сущности, представляет собой современную попытку осмысления идей Хлебникова на разных уровнях: биографическом, художественном, научном. Для осуществления этой задачи Виктор сформировал уникальный язык, точнее модель текстопорождения, вобравшую в себя многие существенные художественные открытия XX века. Тяготее более к модернистскому, чем постмодернистскому типу письма, Иванов развивает эстетику русского авангарда, виртуозно обыгрывая сюжетные ходы и стилистические приемы, почерпнутые им из прозы Андрея Белого, Константина Вагинова, Сигизмунда Кржижановского, Владимира Набокова, Леонида Добычина, Бориса Пильняка, Венедикта Ерофеева, Саши Соколова и других авторов, относящихся к направлению «неклассической» или орнаментальной прозы. В. Шмид вывел понятие орнаментализма из чисто стилистической парадигмы, закрепив за ним «структурный принцип, проявляющийся как в дискурсе, так и в самой рассказываемой истории»

[Шмид, 1998, с. 297]. По мысли Шмида, модернистская проза репрезентирует новое синкретичное мифическое мышление. Изображаемый мир и повествовательный текст в орнаментальной прозе подвергаются воздействию поэтических структур, отвечающих ментальным движениям подсознательного. Символизм и авангард осуществляют деконструкцию рационалистически редуцированной модели мира, предоставляя выход новому мифу, опирающемуся на интуитивное познание мира, вследствие чего конститутивные принципы поэзии распространяются на нарративную прозу и происходит «поэтизация повествования» [Шмид, 1998, с. 297].

Сюжетный анализ орнаментальной прозы приводит к переосмыслению категории лирического сюжета, развитие которого напрямую зависит от изменения формы: «лирический сюжет раскачивает лексические структуры, перемещает признаки их значений, переводит их из доминирующих в маргинальные и обратно, децентрируя и уподобляя их внутрисловесным метафоро-метонимиям; нагнетает напряжение в структурах, сталкивая совокупность значений слов с тем, что этой совокупностью не является. В результате лирический сюжет уходит от прямых значений слов и пролегает между их колеблющимися признаками. Так создается в конечном итоге ритмизованная и вибрирующая семантика, имеющая “волновую” природу» [Чумаков, 2010, с. 84]. М. Л. Гаспаров в книге «Записи и выписки» приходит к мысли, о том, что в основе лирического сюжета лежит «иконическое постижение непостижимости мира» [2000, с. 27], что схоже с концепцией мессианического времени Джорджо Агамбена, для обоснования которой итальянский философ также обращается к анализу структуры поэтического текста³. Ю. Н. Чумаков пишет, что лирический сюжет – «явление, смотрящее за пределы онтологии <...> важнейшей функцией лирического сюжета является подхватывание экзистенциального времени и претворение его в комбинацию темпоральных ходов» [2010, с. 82], что вполне соответствует поэтической задаче прозы Виктора Іваніва.

Максимальное преобладание денотата над десигнатом приводит к индексализации слова-вещи, по своей природе несоотносимого с какой-либо повествовательной инстанцией. Текст превращается в динамическую протяженность, находящуюся между полюсами лирического и эпического

³ Анализируя секстину Арнаута Даниэля, Джорджо Агабмен представляет всякий поэтический текст в качестве сотериологической машины, превращающей при помощи механики возвращения хронологическое время в эсхатологическое, время, которое требуется стихотворению, чтобы кончиться: «...мессианическое время – это резюмирование, суммарное повторение, ускоренное повторение всего прошлого» [Агабмен, 2000, с. 49–70]. Аналогичным образом реализовано время в книге «Чумной Покемарь», событийность которой развивается в промежутке от Рождества до Пасхи, а хронологическая последовательность событий пересекается вторжением сакрального времени.

дискурсов. В зависимости от близости к тому или иному полюсу признаки повествовательности то вспыхивают, то угасают. Последовательность сюжетных связей заменяется цепочкой ритмических, паронимических или метафорических эквивалентностей, построенных на принципе итерации. Также для орнаментальной прозы характерен принцип формально-тематического соответствия: любое изменение формы приводит к изменению темы, словесные фигуры разворачиваются в сюжетные формулы и наоборот. В орнаментальной картине мира нет устойчивого порядка, персонажи вместе с читателями следуют логике подсознательного, не предполагая возможного развития событий. Система эквивалентностей может создавать иллюзию последовательного сюжета, имитируя исторически сложившуюся жанровую формацию, но в любой момент нарративная интрига может быть вытеснена языковой игрой. Повторяющийся орнамент вводит читателя в гипнотическое состояние, являясь протяженной фигурой, указывающей на скрытое подсознательное, принципиально не поддающееся прочтению. Орнаментальный текст – это поверхность (в контексте метафоры Делёза), образуемая соединением слов и вещей, смыслов и событий, «кожа текста», при каждом прочтении открывающая возможность возникновения нового смысла. «Смысл орнаментального текста кроется в соотношениях тематических и формальных мотивов» [Шмид, 1998, с. 297].

Проза Виктора Іваніва органічно вписується в контекст сучасної орнаментальної прози, формуючи актуальний тип авторефлексивного письма. Для поезії Віктора Іванова характерно свідоме прагнення до синкретизму. Ліричний і епічний типи письма відрізняються не по формальним, а по функціональним ознакам: «Дійсно, мені доводиться займатися синкретичним мистецтвом, якщо можна так гучно висловитися, але прозу я розглядав завжди як запасний варіант, який в результаті вийшов на перший план. За поетичним текстом закріплюється прогностична функція “случайного датчика чисел”, а прозаїчний текст, походячи з певної усної традиції, стає історією, для розповідання якої потрібен особливий тип письма»⁴.

Поетичні і прозаїчні твори Іваніва пов'язані між собою єдиною системою мотивів, реалізуються за допомогою автоцитат в єдиній сюжетно-персонажній системі. Епічний текст є розгорнутим коментарем до ліричного події, але в деяких віршах також виникають елементи епічного сюжету, що відображають ряд важливих автобіографічних подій. Хорошим прикладом слугує «футбольна сага» Іваніва: фрагменти віршів «Пісня про Айше – частина 2», «Пісня про Айше – Song of Asia» [Віктор Іванів, 2015, с. 193–198], повісті

⁴ URL: http://www.chaskor.ru/article/viktor_ivaniv_edinstvennoe_spasenie_v_danoj_situatsii_-_prosnytsya_pod_viselitsej_36429 (дата звернення 21.09.2017).

«Летовс-wake» и книги «Состоявшиеся игры, на которых я присутствовал» буквально дублируют друг друга.

Корпус текстов Иванова пронизан системой устойчивых мотивов, образующих единый моральный сюжетно-мотивный комплекс. Смерть в творчестве Иванова является главной загадкой и движущей силой жизни. Сюжетнообразующий мотив смерти разворачивается в чрезвычайно насыщенную и плотную цепочку эквивалентностей, абзац прозаического текста, представляющий собой отдельный микрорассказ, в большинстве случаев равен отдельному упоминанию одной или нескольких смертей. См. рассказ «Скоротчение» из цикла «The Automnic Stories» [Виктор Иванов, 2015, с. 262]. Особый экзистенциальный статус события переживания смерти, характерный для лирического типа событийности, смещает перспективу повествования к полюсу субъективности. Эпическое событие обнаруживает свою иллюзорную природу: реалистическое описание топоса Москвы и Новосибирска постепенно размывается, перемещение персонажей по узнаваемым городским локациям сводится к авторефлексии, в итоге движущей силой сюжета становится событие изменения внутреннего состояния лирического субъекта.

Нарративная матрица прозы Иванова структурирована посредством последовательного применения принципа нарративной редупликации, согласно которому все авторефлексивные элементы в тексте соотносятся между собой либо как вложенные друг в друга миры историй, либо как связанные отношением подобия фрагменты диэгега. К примеру, композиция книги «Чумной Покемарь», состоящей из четырех книг (тетралогии «Володя Москвин», поэмы «Шаровая молния, или Квадратная звезда», цикла из 40 рассказов «The Automnic Stories» и стихотворения «Надпись на книге «Чумной Покемарь»), базируется на развернутом представлении риторической фигуры *mise in abyme* («вложение в бездну»): книга представляет собой книгу, которая снится во сне не участвующему в развитии сюжета персонажу, одноименному названию книги, – чумному Покемарю: «Вроде Рип Ван Винкля, всемирной бессонницы, полной утраты ума, человеческого облика и потери пульса» [Иванов Виктор, 2014]. Использование особой формы авторефлексивного нарратива сближает прозу Иванова с литературой европейского и американского (пост)модернизма: Андре Жида, Алена Роб-Грийе, Уильяма Берроуза, Дилана Томаса и др.

Виктор Иванов был и остается актуальным участником российского литературного процесса начала XXI века. Принципы письма, обозначенные им в многочисленных литературно-критических статьях и в переписке с обширным кругом современных писателей, а также реализованные в художественных текстах, представляют значимыми для развития литературы русского авангарда. Орнаментальность реализуется современными российскими писателями на разных уровнях: в качестве стилистического приема в рамках эпического повествования (Николай Кононов, романы

«Фланёр» и «Парад», Александр Иличевский, тетралогия «Солдаты Апшеронского полка»); в виде авангардного эксперимента над крупной формой (Александр Ильянен, романы «Бутик Vanity», «Пенсия» и др., Владимир Богомяков, роман «Котик Ползаев», Денис Осокин, книга «Овсянки»); в циклах «стихотворений в прозе» (Станислав Снытко, сборник «Белая кисть»); в малой бессюжетной прозе (Сергей Соколовский, «Гипноглиф», «Аптечка сталевара»).

Орнаментальная проза ориентирована на интеллектуального читателя, способного со вниманием психоаналитика «воспринимать речь в целом, придавая всем частям существенным и маловажным, содержательным и формальным, одинаковую значимость» [Шмид, 1998, с. 307]. Но подобный читатель не может быть массовым, разве что в отдаленном будущем, поэтому авторы, придерживающиеся принципов орнаментальной прозы, публикуются небольшими тиражами в независимых книжных издательствах, таких как «Арго-Риск» Дмитрия Кузьмина, «Коровакниги» Алексея Дьячкова, «Немиров» Гузель Немировой. Наиболее крупным издательством, занимающимся публикацией произведений русского авангарда, является «Айлурос» (Ailuros Publishing, New York) Елены Сунцовой, в котором и была опубликована книга «Чумной Покемарь». Последний прижизненный поэтический сборник Іваніва «Дом Грузчика» был издан в книжной серии «Новая поэзия» издательства «Новое литературное обозрение».

Маргинальность орнаментальной прозы компенсируется ее устремленностью в будущее и важностью преобразований, осуществляемых авангардной литературой в области языка. Юрий Тынянов в статье «О литературной эволюции» пишет: «Проза дифференцируется, эволюционирует, одновременно эволюционирует и стих. Дифференция одного соотношенного типа влечет за собою или, лучше сказать, связана с дифференцией другого соотношенного типа. <...> Дальнейшая эволюция форм может либо на протяжении веков закрепить функцию стиха в прозе, перенести ее на целый ряд других признаков, либо нарушить ее, сделать несущественной; и подобно тому, как в современной литературе малосущественна соотносительность жанров (по вторичным, результативным признакам), так может настать период, когда несущественно будет в произведении, написано ли оно стихом или прозой» [1997, с. 271].

Орнаментальная проза видоизменяет конструктивные функции формальных элементов соотношенных друг с другом литературных систем, являясь следствием парадигматического сдвига, произошедшего в эстетическом мышлении на рубеже XX–XXI веков. Изучение этого явления в контексте эволюционных изменений литературного процесса дает возможность для переосмысления принципиальных вопросов современного литературоведения и смежных с ним дисциплин.

Список литературы и источников

Агамбен Джорджо. *Apostolos* // Оставшееся время: Комментарий к «Посланию к римлянам». М.: НЛЮ, 2000. № 46. С. 49–70.

Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2001.

Иванов В. Г. Философский концепт и иконический знак в поэтике русского авангарда: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005.

Иванов Виктор. Единственное спасение в данной ситуации – проснуться под виселицей // Частный корреспондент: Интернет-издание. 2014. 27 июня. URL: http://www.chaskor.ru/article/viktor_ivaniv_edinstvennoe_spasenie_v_dannoj_situatsii_-_prosnutsya_pod_viselitsej_36429 (дата обращения 20.09.2017).

Митурич П. В. Последние дни Хлебникова // Арион. 1994. № 4.

Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1997.

Чумаков Ю. Н. В сторону лирического сюжета. М., 2010.

Шмид В. Проза как поэзия. СПб., 1998.

Виктор Иванов. Дом Грузчика. М., 2015.

Виктор Иванов. Чумной Покемарь. Нью-Йорк, 2012.

Article metadata

Title: The Poetics of Victor Ivaniv's prose in the context of ornamental prose of the XX–XXI century

Author: I. S. Poltoratsky

Author's e-mail: ipoltora@gmail.com

Author affiliation: Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the specific characteristics of the poetical prose of modern Russian writer Victor Ivaniv (1977–2015). By the developing of poetics of vanguard prose of the 20-30th years of the last century, Ivaniv creates relevant model of the autoreflexive letter-type, erasing conditional border between art fiction and the biographic fact. One of the constructive principles of poetics of Victor Ivaniv is the syncretism – the prosaic and poetic texts connected at the different levels by a chain of equivalent elements unite in the complete metagenre, created by all corpus of the author's texts.

The term poetic or ornamental prose denotes the result of an overdetermination of the narrative text with specifically poetic devices such as rhythmicizing and sound repetition. Such overdetermination generally occurs with the creation of thematic and formal equivalence, i.e. with the strengthening of the paradigmatic order or even the dominance of non-temporal over temporal linking (Schmid: Non-Temporal Linking in Narration). In ornamental prose it is as though the author, behind the narrator's back, so to speak, were to cast a net

of formal and thematic linkages over the text, overruling the narrator and his point of view and conferring on the text a poetic fabric with the effect of neutralizing all individual linguistic points of view. Such poetization of narrative takes place during epochs in which the poetic pole dominates, i.e. when the equivalence principle, characteristic of poetry, tends to extend its reach into the field of narrative prose. In Russian literature between 1890 and 1930, ornamental prose took the lead among narrative genres. So stated Shklovskij in 1924: "Contemporary Russian prose is to a large extent ornamental in character."

Ornamentalism is an artistic icon of myth whereby poetic experience and mythical thought are assumed to be in close harmony. What makes poetic and mythical thought analogous is their common tendency to abolish the non-motivation of signs adhered to in realism. The word, which in the realistic approach to language is only an arbitrary symbol determined by convention, tends to become, in ornamentalism as well as in mythical thought, an icon, an image of its own meaning. The iconicity that poetry imparts to prose partakes of magical speaking in myth.

Similar features of art language are also observed in prosaic works by modern writers: Victor Ivaniv, V. Bogomyakov, D. Osokin, S. Snytko and etc.

Key terms: ornamental prose, Victor Ivaniv, modern Russian literature, vanguard.

Reference literature (in transliteration):

Agamben Dzhordzho. Apostolos // Ostavsheesya vremya: Kommentariy k «Poslaniyu k rimlyanam» Moskva, NLO, 2000. # 46. S. 49–70.

Chumakov Yu. N. V storonu liricheskogo syuzheta. Moskva, 2010.

Gasparov M. L. Zapisi i vyipiski. Moskva, 2001.

Ivanov V. G. Filosofskij koncept i ikonicheskij znak v pojetike russkogo avangarda: Dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2005.

Ivanov Viktor. Edinstvennoe spasenie v dannoj situacii – prosnut'sja pod viselicej // Internet-izdanie Chastnyj korrespondent, 27.06.2014. URL: http://www.chaskor.ru/article/viktor_ivaniv_edinstvennoe_spasenie_v_dannoj_situacii_-_prosnutsya_pod_viselitsej_36429 (20.09.2017).

Miturich P. V. Poslednie dni Hlebnikova // Arion. 1994. № 4.

Shmid V. Proza kak pojezija. Sankt-Peterburg, 1998.

Tynjanov Yu. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. Moskva, 1997.

Viktor Ivaniv. Chumnoj Pokemar'. New York, 2012.

Viktor Ivaniv. Dom Gruzchika. Moskva, 2015.